
Антон Шарп
ВОЙНА ТЕАТРОВ
Новые классики

Антон Шарп

Война театров

«Автор»
2026

Шарп А.

Война театров / А. Шарп — «Автор», 2026

Наши старые знакомые, комиссар фон Штольц и его помощник Каспар Кнопф, отправляются из Гамбурга в Лондон. На этот раз им предстоит защитить великого оперного певца Кафарелли.Лондон. XVIII век. Два театра, два великих композитора, два непревзойдённых певца! Гендель и Порпора ведут настоящую музыкальную войну. Английский король и наследный принц заключают пари, примадонны плетут интриги, а весь Лондон делает ставки. Кто победит — Гендель или Порпора, Кафарелли или Фаринелли? И какую цену придётся заплатить за победу?Сумеют ли наши сыщики разгадать тайны театрального закулисья? Королевские интриги, невероятные приключения, английский юмор и итальянские страсти ждут вас в новом ироническом историческом детективе.А самое удивительное — война театров действительно происходила! Гендель, Порпора, Кафарелли, Фаринелли, Страда и Куццони — настоящие герои музыкальной истории. Об их удивительных судьбах вы узнаете в послесловии. Занимайте свои места: увертюра уже звучит.Ваш, Антон Шарп

© Шарп А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Эмиссары из Гамбурга 5
Глава вторая. Клянусь Генделем! 10
Глава третья. Аромат таланта 15
Глава четвертая. Королевское пари 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Антон Шарп
Война театров

Глава первая. Эмиссары из Гамбурга

Есть три вещи, которых следует опасаться человеку, достигшему моего почтенного возраста: сквозняков, молодых композиторов и писем от старых друзей. Сквозняки вызывают простуду, молодые композиторы требуют выслушать их сочинения, а старые друзья непременно просят об одолжении.

В то утро я получил письмо от композитора Георга Фридриха Генделя. Он давно переехал из немецкого Галле в Лондон. И имел там успех. Мы с ним дружим много лет. Нас объединяет любовь к музыке, редким растениям и хорошему обеду. Правда, представления о хорошем обеде у нас несколько различаются. Гендель с тех пор, как переехал в Англию, предпочитает морскую кухню, а я никуда не переезжал и люблю континентальную. Побольше жареного мяса и тушеной капусты. Ну, да, ладно, оставим кухню в покое.

Письмо начиналось тревожно:

«Дорогой Георг Филипп. Мне необходимы двое полицейских».

Я перечитал эту фразу. Обычно композиторы просят прислать ноты, деньги на премьеру или хорошего гобоиста. Двух полицейских у меня ещё никто не просил.

«В Лондоне, — продолжал Гендель, — сложилось совершенно невыносимое положение. Итальянец Никола Порпора намерен уничтожить мой театр. У него поёт Фаринелли, у меня — Кафарелли. Оба обладают исключительными голосами. И оба — его ученики.

Но если Фаринелли способен своим голосом заставить плакать целый театр, то Кафарелли своим характером способен заставить плакать весь оркестр. Вчера он потребовал заме-

нить кресло в своей артистической. Сегодня возмутился тем, что его имя напечатано на афише тем же шрифтом, что и моё. Завтра, полагаю, потребует заменить композитора».

Я рассмеялся. Дальше, однако, было не так весело.

«Наши оперные премьеры назначены на один день. Соперничество приобрело совершенно нездоровый характер. В дело вмешались высокопоставленные особы, и вокруг театров происходят весьма странные вещи. Замешаны большие деньги. Я обратился в лондонскую полицию с просьбой обеспечить безопасность Кафарелли. Знаешь, что они мне ответили?

— Мы расследуем только преступления.

— Но я хочу предотвратить одно из них!

— Вот когда оно будет совершено, тогда мы им обязательно займемся.

Поэтому прошу тебя прислать твоих друзей комиссара фон Штольца и его помощника Каспара Кнопфа. Ты мне писал, как они блестяще распутали заговор и похищение. Уверен, помогут и мне. Не переживай, все расходы я беру на себя. Твой Гендель.

P. S. Да, у нас появились редкие анемоны. Пришлю тебе с первой почтой.».

— Полифонично! — произнёс я.

Два композитора, два певца, два театра и двое полицейских. И анемоны! Чудесные цветы! Гендель знал, как ускорить дело!

.

***

Комиссар Антон фон Штольц выслушал меня с выражением лица человека, которому предложили добровольно удалить совершенно здоровый зуб.

— Ехать в Англию?

— Именно.

— Охранять певца?

— Да.

— Которого ещё никто не похитил?

— Совершенно верно.

— Георг Филипп, вы понимаете, что вы мне предлагаете?

— Морское путешествие за счёт Генделя и непыльную работу в столице Британской империи.

Комиссар задумался.

— А что с преступником?

— Он пока неизвестен.

— А преступление?

— Еще не совершено.

— А потерпевший-то есть?

— Пока потенциальный. Но он об этом еще не знает. И поёт.

Комиссар посмотрел на Каспара.

— Запишите, Кнопф. Впервые в моей практике отсутствуют все необходимые составляющие расследования.

— Кроме комиссара, — заметил Каспар.

Я объяснил друзьям, что Гендель человек влиятельный и без достаточных оснований не стал бы обращаться за помощью.

— Он подозревает композитора Порпору? — спросил Каспар.

— Не знаю.

— Певца Фаринелли?

— Неизвестно.

— Кого же он подозревает?

— Судя по письму, весь Лондон.

Комиссар решительно поднялся.

— Нет! Дорогой маэстро, у меня достаточно работы в Гамбурге. Кроме того, я не говорю по-английски.

— Я, признаться, тоже, — признался Каспар.

— Зато Шарлотта фон Розенкранц, которую вы прекрасно знаете, живет в Лондоне, — сообщил я. — Она и поможет вам с переводом.

Каспар оживился. Он вспомнил, как она помогала им в деле о похищении жены Телемана.

Комиссар нахмурился ещё сильнее. Он тоже вспомнил, как она совала свой нос в расследование опасного заговора здесь в Гамбурге.

Предыдущий опыт совместных расследований показывал, что присутствие Шарлотты увеличивало вероятность раскрытия преступления и одновременно уменьшало вероятность спокойной жизни комиссара.

И все же комиссар и Кнопф согласились. Почему они совершили такой необдуманный поступок, для меня по-прежнему остается загадкой.

Через два дня мне удалось получить разрешение на их месячное отсутствие. Еще через день я провожал друзей в порту.

— Помните, — напутствовал я комиссара и Кнопфа, — ваша задача заключается в том, чтобы ничего не случилось.

— Прекрасно! Если ничего не случится, как мы сможем доказать, что это наша заслуга! — ответил комиссар.

С этим трудно было спорить.

***

Через две недели от Каспара пришло первое письмо из Лондона.

«Дорогой господин Телеман! Англия — удивительная страна. Здесь даже лошади придерживаются противоположных нашим убеждений. Шарлотта встретила нас в порту. Не успели мы выйти на улицу, как комиссар едва не попал под карету.

— Куда вы едете, болван?! — закричал он извозчику.

Шарлотта объяснила, что в Англии экипажи движутся по левой стороне дороги.

— Почему это?

— Так принято.

— А по правой?

— По правой едут навстречу.

Комиссар долго смотрел на английские экипажи.

— Кнопф, запишите: дорожное движение в этой стране организовано неправильно.

Извозчик что-то крикнул нам вслед.

— Что это он сказал? — спросил комиссар.

— Вам лучше этого не знать, господин комиссар,— ответила Шарлотта.

После дорожного происшествия мы решили подкрепиться в английском питейном заведении, которое здесь называют пабом. Комиссар заказал бараньи почки и кружку портера. Почки оказались превосходными: видимо, баран вел здоровый образ жизни. А портер — темным, необычным, тягучим, чуть сладковатым. И весьма крепким.

Посетители же были совершенно помешаны на спорах об опере. За соседним столом два почтенных господина вели ожесточенный диспут. Один размахивал театральной афишей, другой — куском рыбного пирога.

— О чём это они спорят? — спросил комиссар.

— Об оперных певцах, разумеется,— перевела Шарлотта.

В этот момент господин с рыбным пирогом вскочил и ударил кулаком по столу.

— А я говорю, Фаринелли!

— Все равно Кафарелли - лучший! — взревел его противник.

— Господи! — воскликнул комиссар. — А что же здесь происходит, когда обсуждают политику?

Шарлотта улыбнулась.

— Они как раз её и обсуждают. Король Георг поддерживает композитора Генделя и певца Кафарелли, а наследный принц Фредерик — композитора Порпору и певца Фаринелли.

Комиссар перестал жевать.

— Так вот почему Гендель нас вызвал! Интриги в королевском семействе!

Вскоре в паб вошёл изящно одетый молодой человек. Он заказал пинту светлого эля, услышал спор и немедленно вмешался.

— Кафарелли! — закричал он. И повторил это имя три раза.

Господин с рыбным пирогом ответил ему весьма невежливо. Молодой человек расхохотался.

— Ура! Скандал!

Комиссар потребовал по-немецки, чтобы он прекратил шуметь. Молодой человек ответил по-итальянски. Судя по выражению лица Шарлотты, переводить его ответ не следовало.

— Кто этот нахал? — спросил комиссар.

— Это и есть певец Кафарелли, — смеясь, ответила она.

Комиссар закрыл глаза.

— Кнопф, мы только что встретили человека, которого нам предстоит защищать. А может быть, и будущего потерпевшего.

— Но преступления же ещё нет.

— Боюсь, с таким характером долго ждать не придётся».

Я отложил письмо и некоторое время размышлял о судьбе моего лондонского друга. Бедный Гендель!

***

На обороте последнего листа Каспар приписал:

«После обеда Шарлотта повела нас посмотреть театральные афиши. Возле портрета Фаринелли она остановилась и достала записную книжку.

— Какой голос! Какие манеры! Какой артист!

— Позвольте, — возмутился комиссар. — Разве вы не поклонница Генделя?

— Клянусь Генделем! Я вовсе ему не изменяла. Я просто предпочитаю слушать Фаринелли!

— Но мы приехали помогать Генделю!

— Помогать Генделю и любить Фаринелли — совершенно разные вещи.

— Кнопф, запишите. Наша переводчица находится на стороне противника.

Шарлотта поправила очки.

— Между прочим, оба певца — ученики Порпоры.

— Как это так?!

— Да, да. Только один - Фаринелли - выступает у своего учителя, а другой - Кафарелли — у его соперника.

Комиссар окончательно запутался.

— Значит, мы должны охранять ученика противника от другого ученика противника?

— Приблизительно так.

Шарлотта указала нам дорогу к дому Генделя, но сопровождать нас отказалась.

— Простите, не могу пропустить репетицию Фаринелли. Да и Гендель вряд ли мне обрадуется.

— Это же дезертирство! — объявил комиссар.

Но Шарлотта этого, к счастью, не слышала. Мы уже собирались уходить, когда я заметил возле театра двух мужчин. Они внимательно изучали афишу Кафарелли. Один из них что-то

сказал другому, указав пальцем на дату премьеры. Оба засмеялись. Возможно, это ничего и не значило. Но мне почему-то захотелось запомнить их лица. Ваш Каспар».

***

Я сложил письмо. Всё складывалось в весьма любопытную музыкальную композицию. Гендель против Порпоры. Кафарелли против Фаринелли. Король против принца. Комиссар против английских порядков. Шарлотта против комиссара.

— Полифонично! — повторил я.

Затем я сел писать Генделю ответ.

«Дорогой Георг Фридрих! Надеюсь, ты уже познакомился с комиссаром и его помощником. И не разочарован этим обстоятельством. Надеюсь, у них получится сохранить твоего великого певца. И, ради нашей старой дружбы, не забудь мне отправить обещанные анемоны. Пора уже их высаживать в наш немецкий грунт. Искренне твой Георг Телеман.».

Тогда я ещё не знал, что вскоре вся музыкальная жизнь Лондона будет перевернута с ног на голову. И это сделает не комиссар.

Глава вторая. Клянусь Генделем!

Я, Георг Фридрих Гендель, композитор, никогда не считал себя вспыльчивым человеком. Просто Господь наделил меня терпением, достаточным для общения с нормальными людьми, но совершенно недостаточным для общения с итальянскими певцами. Особенно с Кафарелли. В то утро я любовался недавно приобретенным мной креслом. Это было превосходное произведение английского мебельного искусства. Изогнутые ножки из орехового дерева заканчивались птичьими лапами, сжимающими шары. Спинка украшена резьбой в виде раковины, а сиденье обито зеленым бархатом.

Мастер уверял меня, что такое кресло достойно английского короля. Я заплатил за него столько, что король вполне мог бы позавидовать мастеру.

— Господин комиссар фон Штольц и господин Кнопф! — доложил слуга.

Я поспешил навстречу гостям.

— Наконец-то! Господа, вы даже не представляете, как я рад вас видеть!

— Представляем, — ответил комиссар. — Мы уже познакомились с Кафарелли.

— Где?

— В пивной.

— Господи! Он опять поёт в пивных?

— Нет. Только спорит.

— Слава Богу, что голос бережет!

Я пригласил гостей осмотреть мою коллекцию живописи. Мне всегда доставляло удовольствие общество голландских и фламандских мастеров. Они обладали одним неоспоримым преимуществом перед музыкантами: никогда не требовали повышения жалованья. Комиссар остановился перед картиной, изображавшей морскую бурю.

— Какая прекрасная батальная сцена!

— Это кораблекрушение.

— Я именно это и имел в виду.

Кнопф заинтересовался стоимостью картин и надежностью оконных запоров. Вот человек, который действительно понимал ценность живописи!

Мы вернулись в гостиную.

— Итак, господа, — начал я, — ваша задача состоит в том, чтобы Кафарелли посещал репетиции, не участвовал в дуэлях, не оскорблял влиятельных людей и в назначенный день вышел на сцену моего театра.

— Всё понятно, — ответил комиссар. — Обычная охрана особо важной персоны.

— Вы еще не знаете Кафарелли.

— Зато я знаю преступников.

— Боюсь, это не одно и то же.

В эту минуту дверь распахнулась.

— Маэстро! Я принёс вам подарок!

Кафарелли держал портрет Фаринелли, к которому были приклеены два огромных бумажных уха.

— Повесим рядом с Рембрандтом?

— Уберите это немедленно!

— Ура! Скандал!

— Не скандал, а я сказал!

Кнопф благоразумно забрал портрет. Кафарелли наконец заметил моих гостей.

— А! Господин из пивной! Вы, наверное, пришли извиниться? — сказал он на ломаном немецком языке.

Комиссар побагровел.

— Познакомьтесь, — поспешил вмешаться я. — Это комиссар Антон фон Штольц и его помощник Каспар Кнопф из Гамбурга. Они будут защищать тебя день и ночь.

— Великолепно! Днем меня обязательно надо защищать от поклонников, завистников и композиторов, а ночью я хочу быть беззащитным.

— Ладно, ладно! Хватит шутить. Они будут следить, чтобы ты оказался вовремя на премьере.

— Хорошо! А хотите услышать мою новую арию?

Кафарелли категорически отказался от ночной охраны, заявив, что хотя бы ночью имеет право на личную жизнь. Комиссару пришлось уступить.

Не дожидаясь ответа, Кафарелли снял камзол, поставил голову на бархатное сиденье моего нового английского кресла, уперся руками в подлокотники, поднял ноги к потолку и запел.

— Моё кресло! — закричал я.

Комиссар открыл рот. Кнопф захлопал в ладоши. Кафарелли взял невероятно высокую ноту.

— Великолепно! — воскликнул Кнопф.

— Великолепно?! Я заплатил за это кресло двадцать гиней!

Кафарелли закончил арию, ловко вскочил на ноги и поклонился.

— Маэстро, обратите внимание: ни одной фальшивой ноты!

— В следующий раз, пожалуйста, пой стоя!

— На ногах или на голове?

— На ногах! Я сказал!

— Ура! Скандал!

Я принялся осматривать кресло. Комиссар с сочувствием посмотрел на меня. Кажется, он наконец понял, зачем Телеман прислал мне именно двух полицейских.

***

Через час мы отправились в театр. Ещё на лестнице я услышал голос моей примадонны Анны Марии Страды.

— Я его убью!

Комиссар схватился за шпагу.

— Кого?

— Кафарелли, разумеется, — ответил я.

— Откуда вы знаете?

— Она обещает это сделать каждый вторник.

— Сегодня же четверг!

— Значит, положение исключительно серьезное.

На сцене стояла Страда, держа в руках нотную тетрадь. Перед ней с совершенно невинным выражением лица стоял Кафарелли.

— Господин Гендель! — обратилась ко мне певица. — Этот человек переписал мою часть дуэта!

— Не переписал, а улучшил! — возразил Кафарелли.

Я взял ноты.

— Но здесь почти вся партия отдана тебе! — обратился я к певцу.

— Да, и что?

— А то, что здесь в основном должна петь госпожа Страда?

— Я оставил ей одну ноту. Но какую? Финальную.

— Я его задушу! — объявила примадонна.

Комиссар достал записную книжку.

— Кнопф, запишите угрозу убийством.

— Кто эти господа? Не удивляйте меня! — воскликнула Страда.

— Полиция, — объяснил я.

— Наконец-то! Так арестуйте его немедленно!- обратилась к комиссару певица.

Кафарелли пришёл в восторг.

— Ура! Скандал!

Я потребовал начать репетицию.

***

Первые неприятности возникли у скрипачей. Кафарелли заявил, что они играют слишком громко. Скрипачи стали играть тише. Кафарелли заявил, что они играют слишком тихо. Первая скрипка отложила смычок.

— Я его убью!

Комиссар посмотрел на Кнопфа.

— Записывать? — спросил тот.

— Пока карандашом.

Затем Кафарелли потребовал изменить темп арии. Я отказался. Он предложил изменить тональность. Ни в коем случае. Он предложил заменить арию. Еще чего не хватало.

— Тогда, маэстро, остаётся заменить композитора!

— Я тебя убью! — закричал я.

Комиссар тяжело вздохнул.

— Кнопф, записывайте и господина Генделя в подозреваемые.

— Меня?!

— Маэстро, перед законом все равны, тем более в Англии.

Тем временем фаготист заявил, что не намерен в пятый раз начинать одну и ту же музыкальную фразу. Виолончелист горячо поддержал его. Страда потребовала вернуть ей полноценную партию в дуэте. Кафарелли захотел аплодисментов до начала репетиции. Я потребовал абсолютной тишины. Комиссар настаивал на порядке.

— Господин Гендель, — тихо спросил Кнопф, — у вас всегда так проходят репетиции?

— Нет. Сегодня все идет довольно спокойно.

***

Наконец мне удалось заставить оркестр играть. Кафарелли запел. И произошло чудо. Страда перестала возмущаться. Скрипачи забыли свои обиды. Даже фаготист закрыл глаза. А комиссар опустил записную книжку. Кафарелли пел так, словно человеческий голос был самым совершенным инструментом, когда-либо созданным Господом. Я слушал и понимал, почему терплю этого несносного человека.

Ария закончилась. Несколько мгновений в театре царила тишина. Затем Кнопф зааплодировал. За ним — комиссар. Кафарелли изящно поклонился.

— Ну что, маэстро? Может быть, всё-таки напечатаем моё имя на афише немного крупнее вашего?

— Вон отсюда!

***

После репетиции комиссар попросил предоставить ему отдельную комнату для совещания. Кнопф разложил свои записи.

— Итак, — начал комиссар, — сегодня мы установили, что господину Кафарелли угрожали убийством примадонна, первый скрипач и композитор.

— Вы забыли фаготиста, — напомнил Кнопф.

— Он тоже угрожал?

— Нет, но очень выразительно смотрел.

— Запишите это отдельно.

Я попытался объяснить, что в оперном театре подобные выражения не следует понимать буквально.

— А как их следует понимать? — спросил комиссар.

— Как проявление творческого темперамента.

— Прекрасно. А если кто-нибудь действительно убьёт вашего певца?

— Тогда это будет проявлением совершенно дурного вкуса.

Кнопф засмеялся. Комиссар остался серьезен.

— Господин Гендель, а кто, кроме ваших музыкантов, заинтересован в том, чтобы Кафарелли не выступил на премьере?

Я задумался.

— Никола Порпора. Возможно, некоторые поклонники Фаринелли. Театральные антрепренеры. Люди, вложившие деньги в конкурирующий театр.

— Как много подозреваемых?

— Половина Лондона.

— А другая половина?

— Хочет, чтобы не выступил Фаринелли.

Комиссар захлопнул записную книжку.

— Нам немедленно необходимо посетить театр Порпоры.

— Шарлотта с удовольствием вас туда проводит, — тихо, чтобы не слышал Гендель, заметил Кнопф. Но он услышал.

— Она же с недавних пор поклонница Фаринелли? — проворчал я.

— Клянусь Генделем! Это сейчас не имеет значения, — произнес, не подумав, где находится, комиссар, подражая Шарлотте.

— Господа! — возмутился я. — Нельзя ли хотя бы в моём присутствии клясться кем-нибудь другим?

***

Вечером я вернулся домой и опустился в своё прекрасное английское кресло. День в целом прошел удачно. Кафарелли был жив. Страда не покинула театр. Оркестр не разбежался. Полиция приступила к работе. Оставалось только подготовить премьеру, продать билеты и победить.

И тут я обнаружил на моем письменном столе портрет Фаринелли с бумажными ослиными ушами. На обороте красовалась надпись Кафарелли: «Моему любимому композитору». Я невольно улыбнулся. Нет, господа, убить Кафарелли было бы совершенно невозможно. Но как же иногда хотелось!

Глава третья. Аромат таланта

На следующее утро комиссар сообщил мне, что в театре Генделя практически все хотят убить Кафарелли.

— А что вас это удивляет? — спросила я.

— Шарлотта, меня сложно чем-то удивить, но количество подозреваемых превышает все разумные пределы.

— Клянусь Генделем! Вы ещё не знакомы с поклонниками Фаринелли!

Я повела моих гамбургских друзей в театр Порпоры. Первое, что удивило комиссара, была тишина. На сцене сидел оркестр. Музыканты деловито настраивали инструменты. Порпора сидел в кресле, задумчиво глядя в партитуру.

Порпора заметил нас, поднялся, поклонился и широким движением руки предложил занять места. А сам продолжил изучать партитуру.

За десять минут до начала репетиции появился Фаринелли.

— Шарлотта! Как я рад вас видеть! Представьте мне своих друзей.

Я с удовольствием это сделала. В отличие от Кафарелли, он никого не оскорбил, не предложил заменить композитора и не встал на голову. Зато от него исходил аромат, способный заполнить небольшой дворец.

Каспар чихнул.

— Будьте здоровы! — любезно произнес Фаринелли.

Комиссар тоже чихнул.

— И вы будьте здоровы!

***

В соседнем ряду мы заметили господина в безукоризненно чистом камзоле. Он доедал миндальное печенье. Рядом с ним сидел бархатистый бульдог.

— Мистер Бисквит, — он заметил наш интерес, подошел и представился на прекрасном немецком языке.

— Вы немец? — удивился комиссар.

— Англичанин, сэээр. Моя жена немка. За двадцать лет семейной жизни я научился не только говорить по-немецки, но и по-немецки молчать.

Он указал на собаку.

— Это мой Лорд.

Лорд чихнул.

Фаринелли улыбнулся.

— Какая очаровательная собака!

Он наклонился, чтобы погладить бульдога. Лорд чихнул трижды.

— У вашего пса простуда? — спросил комиссар.

— Нет, — ответил Бисквит. — У нашего Фаринелли слишком ароматные духи.

Фаринелли оживился.

— Так вы, оказывается, интересуетесь парфюмерией?

— С этой минуты чрезвычайно.

***

До репетиции еще оставалось немного времени и Фаринелли пригласил нас в свою артистическую. Там на столе стояли два десятка маленьких стеклянных флаконов. Он принялся знакомить нас с ароматами как со своими близкими друзьями.

— Вот, венгерская вода! — с гордостью объявил он. — Розмарин, лимон, превосходный винный спирт!

Комиссар понюхал.

— Апчхи!

— А это жасминовая эссенция!

Каспар еще раз чихнул.

— Цветы апельсина!

Теперь чихнул Бисквит.

— А вот это моя особенная гордость! Амбра, мускус и фиалка. Изготовлено специально для меня лондонским парфюмером Чарльзом Лилли.

Лорд попятился к двери.

— Я приобрёл ещё одну замечательную эссенцию. Хотите попробовать?

— Нет! — хором ответили сыщики.

Фаринелли удивлённо посмотрел на меня.

— Как странно! Господа совершенно не интересуются искусством ароматов.

— Они предпочитают запах преступления, — объяснила я.

— А как пахнет преступление?

— Иногда очень дорого.

***

Мы вернулись в зал. Порпора заметил возвращение Фаринелли. Он поднял глаза на музыкантов. Скрипачи приготовились. Он слегка повернул кисть руки. Вступили виолончели. Он нахмурился. Оркестр остановился.

— Он что, немой? — прошептал комиссар.

— Нет. Итальянец.

— Странный немой итальянец.

Порпора поднял руку и жестом пригласил на сцену Фаринелли. За ним на сцену вышла примадонна Франческа Куццони. На ней было великолепное платье из голубого шелка с вытканными серебряными цветами. Узкий лиф подчеркивал ее талию, а широкая юбка на каркасе из китового уса придавала ее фигуре особую величественность. Рукава платья, не доходившие до локтей, заканчивались пышными каскадами тонких кружев. Волосы украшал маленький кружевной чепец с голубыми лентами. Я невольно залюбовалась её нарядом. Приблизившись к Фаринелли, примадонна поморщилась.

— Опять ваши новые духи?

— Амбра, мускус и фиалка!

— Весёлый денёк!

Порпора движением руки предложил начать дуэт. Куццони достала изящный батистовый платок с кружевной каймой, прижала его к носу и запела. Порпора удивлённо поднял брови.

— Простите, маэстро, но я предпочитаю петь, а не задыхаться!

Фаринелли любезно отступил на два шага. Куццони покачала головой. Он отступил ещё на два.

— Вот теперь можно петь!

Порпора задумчиво посмотрел на расстояние между певцами. По замыслу оперы они должны были изображать влюблённых. Он жестом предложил им приблизиться друг к другу.

— Маэстро, — взмолилась Куццони, — нельзя ли сделать так, чтобы наши герои любили друг друга на расстоянии?

Тут внезапно чихнул комиссар. Потом лорд. Порпора поднял глаза к потолку. И продолжил репетицию.

Дуэт был спет слаженно. Без единой помарки. А после дуэта Порпора указал Фаринелли на ноты его сольной арии. И Фаринелли запел. Какой это был голос! Признаюсь, я, конечно, пристрастна к хорошим голосам. Но это было что-то необыкновенное. Я готова была выйти замуж за Фаринелли немедленно. Жаль только, что он, не по своей вине, был холостяком.

Даже комиссар, который до этого относился к итальянской опере с подозрением, слушал с восхищением. Порпора едва заметно улыбнулся. Фаринелли закончил арию на недостижимо верхней ноте. Оркестранты зааплодировали.

— Удивительный театр, — прошептал комиссар.

Бисквит пожал плечами.

— Не понимаю, что вы находите в опере. Другое дело — флейта!

Сказал Бисквит и посмотрел на мой футляр с флейтой, с которым я не расстаюсь. Лорд заворчал.

— Неужели он не любит флейту? — спросил Каспар.

— Напротив. Так любит, что сразу ей подпевает.

***

После репетиции комиссар выяснил, что Бисквит его коллега и занимается охраной Фаринелли.

— И кто вас нанял?

— Один весьма состоятельный господин.

— Зачем вашему певцу охрана? Он же ангел!

— По той же причине, по которой она нужна и Кафарелли.

— Может быть ему угрожали?

— Пока нет. Но некоторые лондонцы чересчур увлечены соперничеством театров.

— Поклонники музыки?

— Поклонники денег.

Бисквит достал ещё одно печенье.

— Вы знаете, что на успех оперных премьер заключают пари?

Комиссар насторожился.

— Нет.

— Советую поинтересоваться.

В эту минуту вернулся Фаринелли.

— Господа! Я совсем забыл показать вам ещё один новый аромат!

Лорд вскочил. Комиссар схватил треуголку. Каспар достал платок. Бисквит поспешил к выходу.

— Куда же вы, господа? — удивился Фаринелли.

— Неотложное расследование! — ответил комиссар.

— Вы были как всегда великолепны, — искренне сказала я.

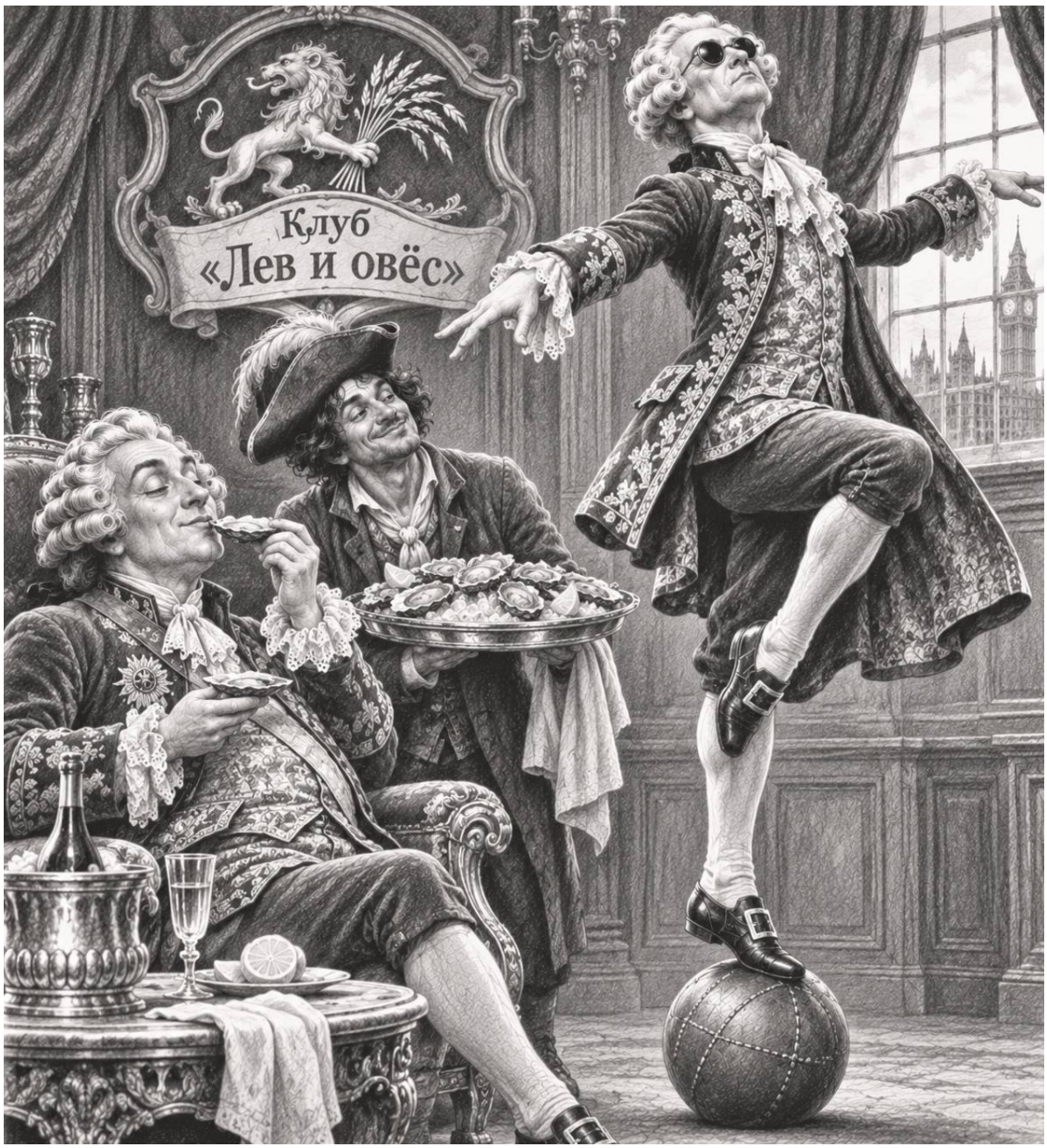
— Подождите! Что-то будет на премьере! — ответил загадочно Фаринелли.

Мы покинули театр. Впереди бежал Лорд. За ним, отчаянно чихая, следовали трое сыщиков. Я замыкала шествие. Духи Фаринелли на меня не действовали. На меня действовал только его голос.

В дверях театра стоял Порпора. Он слушал сбивчивую итальянскую речь своего камердинера и вдруг на чистом английском языке произнес:

— Хочу в Неаполь!

Глава четвертая. Королевское пари



Я, потомственный банкир Гарри Блэкберн, всегда считал, что человеческая жизнь устроена чрезвычайно неразумно. Именно тогда, когда человек приобретает достаточно денег, чтобы жить в своё удовольствие, у него начинает портиться здоровье. Поэтому я поставил перед собой всего две задачи: стать самым богатым человеком Англии и дожить здоровым до XX века.

— Сто пятьдесят — не предел! — люблю я повторять.

Для распространения своих взглядов я основал в Лондоне клуб «Лев и овёс». Лев символизировал силу, овёс — правильное питание. Правда, некоторые члены клуба утверждали, что львы овса не едят. Но я объяснял это недостаточной осведомленностью львов в вопросах долголетия. Среди членов моего клуба были банкиры, торговцы, аристократы и даже его королевское высочество принц Фредерик.

Каждое утро мы начинали с гимнастики, после которой полагался здоровый завтрак. Впрочем, гимнастику в отличие от завтрака посещали далеко не все.

В то утро наш повар приготовил овсяную кашу, варёные яйца, поджаренный хлеб и великолепный английский пирог с говядиной. Под золотистой корочкой теста скрывались кусочки мяса, почки, репчатый лук и густая подлива с чёрным перцем.

Я категорически возражал против пирога. Члены клуба категорически возражали против овсяной каши. Пришлось, как всегда, искать компромисс. Я ел кашу, остальные — пирог.

***

Принц Фредерик появился в клубе около полудня.

— Гарри, у меня для тебя великолепная новость! Я заключил пари с отцом!

— На какую сумму, ваше высочество?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.